

РАЗВЛЕЧЕНІЕ

4 УН
р-3111

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

СЪ ПОЛИТИПАЖАМИ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:
Въ книжныхъ магазинахъ: Гг. Базунова, Свѣш-
никова, Щешкина, Лоскутова, Улитина, Салаева,
Глазунова и въ Конторѣ типографіи Каткова
и Коми.

1859.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ
Въ Москвѣ безъ доставки . . . 3 р. с. въ годъ.
Съ доставкою 4 . . .
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки 4 . . .
Съ пересылкою въ города . . . 5 . . .

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

СОДЕРЖАНІЕ: Маска. Повесть Лидіи Долинской. — И Beato. Повесть. — Городская хроника «Развлеченія». — Мелочи. — Рисунки: С. А. Любовникова, К. И. Рабуса и И. О. Шестакова.

М А С К А.

повѣсть.

Г Л А В А I.

Яркими, волшебными огнями горѣлъ залъ Московскаго Благороднаго Собранія; оркестръ гремѣлъ чудными звуками: давали первый маскарадъ. Съѣздъ былъ огромный.

Разряженные цыганки выдѣлывали трели своими заливыми голосками; старички—генералы ухаживали за интересными домино; молоденькіе офицеры, покручивая усники (у многихъ только еще воображаемые), заглядывали подъ кружевные оборки масокъ; франты—фрачники, вставивъ въ глазъ золотой лорнетъ, важно расхаживали по заламъ съ измученными разочарованными физиономіями à la Lord Byron; студенты или бѣгали за незнакомыми масками, желая пачать интригу, или толпились вокругъ цыганокъ. Разнообразныя маски волновались въ залахъ,—повсюду слышалась избитая фраза: «я тебя знаю». Все кипѣло жизнью, все суетилось, жужжало.

Подлѣ оркестра, прислонившись къ колоннѣ, задумавшись стояла маска. При первомъ взглядѣ вы не обратили бы на нее особеннаго вниманія; но чѣмъ болѣе

вглядывались, тѣмъ болѣе хотѣлось бы вамъ любоваться ею.

Невысокаго роста, она была стройна и воздушна; изъ-подъ широкихъ кружевъ ея бархатной полумаски видѣлся прелестный, маленькій ротикъ, пущовый, какъ коралль; роскошные пепельнаго цвѣта волосы, выставяясь изъ-подъ чернаго капюша, пышными бандо обрамляли ея личико; большіе черные глаза безпрестанно мѣняли выраженіе.

Въ крошечной ручкѣ, затянутой въ черную перчатку, держала она золотой лорнетъ; пожка-малютка кокетливо выглядывала изъ-подъ атласнаго платья; бархатная мантилья скрыла совершенно ея стапъ.

Что-то грустно-привлекательное было во всемъ существѣ ея. Задумчиво смотрѣла она на эту разнообразную толпу; казалось, безъ цѣли, безъ желаній, какъ бы противъ воли попала она сюда.

Долго стояла она тутъ неподвижно, не перемѣняя позы, и не замѣтила, что давно уже всматривался въ нее гвардейскій офицеръ. Наконецъ онъ подошелъ ближе и сказалъ: ты, кажется, скучаешь, beau masque?

Съ удивленіемъ посмотрѣла на него маска, слегка вздохнула и не сказала ни слова. Передъ нею стоялъ человекъ лѣтъ 30, совершенный брюнетъ, съ черными блестящими глазами, высокій, стройный.

Онъ повторилъ свой вопросъ.

Напротивъ, мнѣ весело, отвѣчала она сухо, какъ бы нехотя.

— Весело стоять одной, когда все вокругъ полно жизни! позволь не повѣрить тебѣ, продолжалъ незнакомецъ.

— Я и не буду просить тебя вѣрить мнѣ.

— Но скажи, стоило ли ѣхать въ маскарадъ для того, чтобы скучать, стоя у колонны.

— Но я не скучаю. Напротивъ, мнѣ весело разсматривать эту движущуюся черную массу. Я такъ люблю наблюдать.

— Ты или влюблена... или поэтъ, сказалъ онъ, пристально посмотрѣвъ на нее.

— Ни то, ни другое; ты плохо отгадываешь. А я такъ сейчасъ угадаю, кто ты, продолжала она, глядя на незнакомца, — ты нѣчто въ родѣ Донъ-Жуана. — Незнакомецъ засмѣялся.

— Скажи мнѣ лучше, давно ли ты видѣлъ княжну Адель?

— Почему знаешь ты, что я съ нею знакомъ?

— Я уже сказала тебѣ, что ловко угадываю.

— Такъ угадай же мое имя.

— Это не мудрено, тебя зовутъ графъ Александръ Окольскій.

— Странно, сказалъ графъ, пожимая плечами, я, кажется, никогда не видалъ тебя.

Но что же мы стоимъ здѣсь? продолжалъ онъ, подавая ей руку, пройдемся лучше по заламъ.

Маска, молча, подала ему руку.

Увидавъ прелестную дѣтскую ручку маски, графъ не могъ удержаться отъ комплимента. Но маска отдернула ее и хотѣла было уйти.

— Allons, tu es prude! сказалъ онъ засмѣявшись.

— Pas du tout prude, а не люблю комплиментовъ и вообще похожа на цвѣтокъ *polle me tangere*.

Графъ, заинтересовываясь ею болѣе и болѣе, общалъ повиноваться ей.

— Но скажи же мнѣ, *beau masque*, гдѣ я видалъ тебя?

— У Полѣвскихъ.

— Почему же я не могу узнать тебя?

— У нихъ много бываетъ, можетъ быть, ты не замѣтилъ меня.

— Не замѣтилъ! да развѣ можно не замѣтить тебя, вскричалъ онъ, сжимая крошечную ручку незнакомки.

— Опять за то же! строго сказала она, погрозивъ ему хорошенькимъ пальчикомъ.

— Pardon, *beau masque*! совсѣмъ было забылъ, что твой девизъ *polle me tangere*. Но я все болѣе и болѣе теряюсь въ догадкахъ; не можетъ быть, чтобъ я видалъ тебя прежде!

— Перестань, пожалуйста, Окольскій, развѣ я не

вижу, что ты давно узналъ меня, а притворяешься изъ одного упрямства, чтобы послѣ при новой встрѣчѣ помѣяться надъ моей довѣрчивостію, увѣряя, что только тѣшилъ меня. Вѣдь ты уже сдѣлалъ такъ съ Наташей Самарской.

— Какъ! ты знаешь и объ этомъ?

— Знаю даже и то, что ты вскружилъ голову бѣдной Наташѣ для того, чтобы отбить побѣду у товарища. Не думаешь ли ты очаровать и меня?... напрасно; я уже устарѣла.

— Устарѣла? да тебѣ нѣтъ еще и 18-ти.

— Хорошо, что хотя въ маскарадѣ считаютъ меня молоденькой, сказала она, вздохнувъ.

— Но кто же ты наконецъ, загадочное существо?

— Здѣсь, въ маскарадѣ—я скучная маска; а въ свѣтѣ неспособная старушонка, отъ которой всѣ бѣгаютъ, какъ отъ чумы.

— Я согласенъ даже называть тебя старушкою, чтобы повиноваться тебѣ, но я люблю такихъ хорошенькихъ старушекъ. — Итакъ, моя прелестная старушка, продолжалъ онъ...

— Пожалуста безъ прилагательныхъ, они надобли мнѣ еще въ пансіонѣ.

— Pardon, pardon! но я хочу предложить тебѣ мои услуги: если бы ты была молоденькая дѣвушка, то я не рѣшился бы предложить ихъ тебѣ, а старушкѣ насколько не предосудительно.

— Про какія услуги говоришь ты?

— Быть твоимъ кавалеромъ весь вечеръ и проводить тебя домой.

— Благодарю, но я пріѣхала не одна, а потому и не могу принять этой жертвы съ твоей стороны, сказала маска съ ироніей.

— Такъ ты не одна здѣсь?

— Нѣтъ; я пріѣхала съ молоденькой дѣвушкой, ввѣренной моему надзору, да потеряла ее въ толпѣ.

Въ эту минуту къ нимъ подошла маска въ черномъ бархатномъ домино, съ множествомъ браслетъ на рукахъ и повидимому очень хорошенькая. Ее сопровождалъ толстый генералъ.

— Ah, Victoire! сказала она, не обращая вниманія на знаки, которые дѣлала ей наша мнимая старушка, *te voici, ma petite, et moi qui te cherchais partout*; поѣдемъ, пора уже.

— Умоляю тебя, *beau masque*, сказалъ графъ, схвативъ за руку бархатное домино, оставь ее еще на нѣсколько минутъ.

Маска вынула маленькія часики и проговорила смѣясь: даю вамъ еще 10 минутъ, но послѣ я буду неумолима, — и она удалилась.

— Теперь уже ясно, что ты не старушка, хотя и прежде въ этомъ невозможно было сомнѣваться. Vic-

toire, какое чудное имя! но я не знаю ни одной женщины, которая бы называлась такъ.

Маска молчала нѣсколько времени, потомъ она сдѣлала движеніе, чтобы удалиться.

— О, останься же, умолялъ Окольскій, позволь мнѣ видѣться съ тобою въ маскарада!

— Нѣтъ, графъ! строго сказала она, я знаю, что графъ Александръ Окольскій никогда не измѣнялъ данному слову, и такъ дай слово, что ты не будешь слѣдить за мной,—я повѣрю тебѣ.

— Благодарю, — съ чувствомъ отвѣчалъ Окольскій, цѣлуя руку маски, которую она не отдернула на этотъ разъ, — я даю тебѣ слово, вотъ рука моя.

— Хорошо, весело сказала маска и хлопнула своею маленькою ручкою по рукѣ графа и, показалось ему, что ручка эта слегка вздрогнула при его страстномъ пожатіи.

— До свиданія, прелестная Викторія, tu es charmante, mais je te hais.

— De la haine à l'amour il n'y a qu'un pas, возразила она, лукаво улыбаясь и скрылась въ толпѣ.

Какъ отуманенный, простоялъ графъ нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ, потомъ, грустный, взволнованный, отправился домой.

Г Л А В А П.

Возвратясь домой, графъ долго въ раздумьи ходилъ по комнатамъ: интересная маска безпрестанно представлялась его воображенію.

Графъ всегда скоро очаровывался,—но только на минуту, особенно если онъ замѣчалъ, что дѣвушка начинаетъ любить его, — страсть его исчезала и онъ уже искалъ другой побѣды.

И теперь думалъ онъ, что это одна изъ эфемерныхъ страстей,—но, не смотря на то, маска интересовала его не на шутку.

Напрасно онъ терялся въ лабиринтъ догадокъ, напрасно перебиралъ въ умѣ всѣхъ знакомыхъ ему женщинъ,—ни одна не походила на эту чудную блондинку.

«Однако вѣдь это ни на что не похоже! вскричалъ онъ наконецъ, бросаясь на диванъ, что за пустяки думать такъ много о маскѣ: быть можетъ, она какая нибудь модистка! — но нѣтъ! ея манеры, разговоръ показываютъ, что она принадлежитъ къ хорошему обществу. Странно однако, что я, зная всѣхъ аристократовъ, никогда не встрѣчалъ ея».

И онъ опять задумывался — и образъ маски снова улыбался ему. «Нѣтъ, не буду больше думать о ней, говорилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, не поѣду во вторникъ въ маскарадъ! Хотъ бы узнать отъ Полѣв-

скихъ — кто она? Но они принимаютъ по четвергамъ, — долго ждать, а можетъ быть, ничего не узнаю, да и не стоитъ хлопотать: мало ли хорошенькихъ? о всѣхъ не передумаешь».

Долго томилъ графа совершенно противоположныя мысли: то старался онъ позабыть маску, то напротивъ съ наслажденіемъ вспоминалъ всѣ подробности ихъ встрѣчи.

Съ твердою рѣшимостью позабыть незнакомку, легъ Окольскій въ постель; но напрасно старался заснуть полувлюбленный графъ: образъ прелестной блондинки являлся передъ нимъ; — и казалось ему, что она сняла маску, и не въ силахъ былъ онъ отвести взгляда отъ этихъ пламенныхъ очей, смотрѣвшихъ на него съ такой любовью; ея прелестный ротикъ говорилъ ему слова любви и счастья! онъ слышалъ этотъ гармоническій голосъ и не помнилъ себя отъ восторга.

Долго мечталъ графъ, — наконецъ, утомленный, заснулъ; но и во снѣ не покидало его милое видѣніе.

На другой день графъ проснулся довольно поздно. Ему доложили, что г. Гриненбергъ ожидаетъ его въ кабинетѣ. Какъ кстати, подумалъ Окольскій, можетъ быть, я вывѣдаю отъ него что нибудь; вѣдь онъ часто бываетъ у Полѣвскихъ. Съ этою мыслию онъ поспѣшно одѣлся и вышелъ въ кабинетъ. Молодой блондинъ встрѣтилъ его на порогѣ.

— Что это, Александръ, какъ ты блѣденъ? здоровъ ли? сказалъ онъ, протягивая руку графу.

— Какъ нельзя лучше, отвѣчалъ тотъ. — Ему было досадно, что товарищъ замѣчаетъ въ немъ перемѣну.

— Но вѣдь ты не похожъ на себя, я никогда не видалъ тебя такимъ разстроеннымъ.

— Много кутилъ вчера.

— Да вѣдь тебѣ уже не привыкать къ этому.

— Что повенъкаго? спросилъ графъ, желая перемѣнить разговоръ.

— Да ничего. Адель Полѣвская ходила со мной вчера въ маскарадъ и была въ отчаяніи. Она все хотѣла подойти къ тебѣ, но ты ходилъ съ какой-то блондинкой.

Графъ видимо мѣшался и досадовалъ на себя.

— Кстати о Полѣвскихъ, не знаешь ли ты фамилію этой черноглазой Викторіи, что бываетъ у нихъ?

— У нихъ много бываетъ. Не замѣтилъ.

— Въ понедѣльникъ я видѣлъ ее въ оперѣ, лицо очень знакомо, кажется, что я видѣлъ ее у княгини. Съ ней была дама, которая и называла ее Викторіей.

— Что же вѣрно опять *викторія* и въ этотъ разъ надъ Викторіей, смѣясь сказалъ Гриненбергъ.

— Ужъ сейчасъ и *викторія*, я даже не говорилъ съ ней.

— Какой ты счастливецъ, Александръ! какъ тебѣ все

удается: женщины отъ тебя безъ ума,—всѣ твои желанія постоянно исполняются.

— Ахъ! еслибъ на этотъ разъ это была правда, подумалъ Окольскій, и задумался.

— Да перестань, пожалуста, мечтать! я не привыкъ тебя видѣть задумчивымъ. Ужь не влюбленъ ли ты? продолжалъ онъ смѣясь, ты тиранъ сердець! ха, ха, ха! вотъ было бы забавно. Впрочемъ подѣломъ: не всежь играть бѣдными женщинами, пора и самому попасться на удочку.

— Да я и такъ очень часто влюбляюсь.

— Не столько влюбляешься, какъ влюбляешь въ себя, а особенно никогда не задумываешься; но теперь что-то похоже на серьезную страсть.

— Перестань, пожалуста, съ своими неумѣстными догадками. Я серьезно влюбленъ? Странная мысль! а задумываюсь я оттого, что усталъ, мнѣ наскучила эта свѣтская жизнь; хочу выдти въ отставку и ѣхать въ Одессу къ матери.

— И не жаль тебѣ будетъ столичныхъ удовольствій и старинныхъ знакомыхъ?

— Удовольствиями я могу пользоваться и тамъ, если захочу; а знакомства приобрѣтутся новыя.

— А вмѣстѣ съ тѣмъ приобрѣтутся новыя побѣды, замѣтилъ Гриненбергъ, лукаво улыбаясь.

— Нѣтъ! надоѣло все: женщины, ухаживашья, удовольствія. Пора перестать, уgomониться. Оставляю тебѣ, юноша, полную свободу, скользнуть по паркету.

Гриненбергъ не любилъ, чтобы его называли *юношей*, онъ разсердился и продолжалъ:

— Помилуй, захотятъ ли женщины смотрѣть на насъ, бѣдныхъ юношей, послѣ такого Ловласа, какъ ты. Воображаю въ какомъ отчаяніи будутъ всѣ эти Адели, Наталіи, Викторіи и безчисленное множество другихъ.

— Какой ты неспособный сегодня! нетерпѣливо вскричалъ графъ, вздрогнувшій при имени Викторіи.

— Но чѣмъ же виноватъ я, что ты сегодня не въ духѣ и сердисься за каждое слово?

— Право ты боленъ хапдрюю; не хочешь ли, я пришлою тебѣ доктора.

— Благодарю за вниманіе; но я не боленъ и лѣчиться не буду, рѣзко отвѣтилъ Окольскій.

— Какъ хочешь. Я далъ тебѣ хорошій совѣтъ, какъ добрый товарищъ, остальное какъ знаешь. Я вижу, что пришелъ не во время, прибавилъ онъ, протягивая руку графу. Надѣюсь завтра увидѣть тебя у Полѣвскихъ въ лучшемъ расположеніи духа.

Окольскій не старался удерживать товарища: ему такъ хотѣлось помечтать на свободѣ о хорошенькой незнакомкѣ.

Какъ только Гриненбергъ вышелъ, графъ сталъ до-

садовать на себя за неумѣніе выдержать роль. И въ самомъ дѣлѣ онъ, умѣвшій такъ хорошо разыгрывать всевозможныя роли, не могъ теперь скрыть волненія, разбѣянности, нетерпѣнія—явныхъ признаковъ любви.

Цѣлый день провелъ онъ въ мучительномъ ожиданіи четверга. Наконецъ настала желанный часъ.

Гостей было уже много, когда графъ вошелъ въ кабинетъ Полѣвской: по четвергамъ у ней собирался хотя интимный, но довольно многочисленный кружокъ. Всякій занимался, чѣмъ хотѣлъ: пѣли, играли, читали, разговаривали.

Проходя мимо разряженныхъ дамъ, графъ искалъ, скорѣе сердцемъ, чѣмъ глазами, свою очаровательную маску. Со всѣхъ сторонъ сыпались на него привѣтствія;—вѣжливо, но коротко отвѣчалъ онъ на нихъ.— Вотъ и хорошенькая княжна Адель, въ своемъ изящномъ нарядѣ. Съ какимъ участіемъ протягиваетъ она ему руку: *Vous voici enfin, Monsieur le Comte!* говоритъ Адель и румянецъ удовольствія вспыхиваетъ на щекахъ ея, и старается она уловить хоть одинъ нѣжный взглядъ черныхъ глазъ его; но напрасно: слегка пожавъ эту бѣленькую ручку, и сказавъ какую-то коротенькую фразу, идетъ онъ далѣе.

Съ грустью посмотрѣла княжна вслѣдъ ему; но, опомнившись, старалась казаться веселою, и смѣялась она, бѣдняжка, тогда какъ сердце разрывалось отъ нераздѣленной любви. Подозрѣвала ли ты, Адель, кто та, которая отняла у тебя единственную радость—внимательность графа. О если бы знала ты имя той, къ которой обращались теперь всѣ мысли, всѣ завѣтныя мечты его!

Не менѣе княжны грустилъ и Окольскій: всѣ старанія его отыскать незнакомку не удавались; между гостями княгини не было ни одной женщины, хотя чѣмъ нибудь напоминавшей о Викторіи. И увидѣлъ онъ, что не зачѣмъ было пріѣзжать сюда; и душно стало ему въ пышныхъ компатахъ. Выбравъ минуту, онъ вышелъ, незамѣченный.

Быстро шелъ онъ корридоромъ, какъ бы боясь погони;—вдругъ послышался ему знакомый милый голосъ: «во вторникъ, въ собраніи, мы снова увидимся!» и опять все смолкло, только показалось ему, что гдѣ-то зашепестило шелковое платье.

Сильно удивленъ былъ графъ;—онъ глядѣлъ во всѣ стороны—нигдѣ никого. Нѣсколько минутъ стоялъ онъ въ недоумѣніи на одномъ мѣстѣ, но вдали послышался шумъ шаговъ и, не желая ни съ кѣмъ встрѣтиться, графъ поспѣшно ушелъ.

«Злую же шутку играешь ты со мною, судьба! думалъ онъ дорогою. Эта маска не только преслѣдуетъ меня въ мечтахъ и во снѣ, даже и на яву слышу я ея голосъ.»

(Продолженіе слѣдуетъ).

Л. Долинская.

II. БЕАТО.

(Окончаніе).

Недѣлю спустя послѣ прибытія супруговъ, домъ былъ совершенно устроенъ къ удовольствію каждаго. и теперь бы, кажется, должна была для Джіованно начаться жизнь вполне счастливая. Но сердце человѣческое состоитъ изъ противорѣчій: теперь, когда милый образъ его фантазіи получилъ дѣйствительную жизнь, улыбался, ходилъ и говорилъ, Джіованно тысячу разъ болѣе желалъ опять видѣть нѣмой, неувимый призракъ на мѣстѣ молодой женщины: тотъ принадлежалъ исключительно ему одному,—этого не могъ онъ назвать своимъ. Онъ любилъ священную собственность своего брата! День и ночь размышлялъ онъ о чудѣ, совершившемся съ нимъ, какъ онъ отдалъ свою душу призраку, который ожилъ послѣ въ лицѣ жены Джуліо. Иногда казалось ему, что онъ долженъ открыть брату свою чудесную тайну, которая тяжелымъ камнемъ лежала у него на душѣ; но когда онъ хотѣлъ говорить, уста его невольно сжимались и онъ не могъ выговорить ни слова. Джуліо въ глазахъ его тоже измѣнился; онъ сталъ серьезенъ и неразговорчивъ, и Джіованно никогда не видалъ, чтобы онъ когда нибудь съ нѣжностію смотрѣлъ на молодую жену свою или обнималъ ее. Притомъ же онъ, казалось, былъ не совсѣмъ здоровъ; лицо его получило необыкновенную блѣдность, но когда Джіованно спрашивалъ его о томъ, онъ старался обратить все въ шутку. Въ мастерской было иногда очень тихо, но тѣмъ болѣе шума было въ жилой комнатѣ: тамъ сидѣла молодая мать и шутила и играла съ ребенкомъ, и нельзя было удивляться, что Джіованно работалъ еще менѣе прежняго. Джудитта было едва 17 лѣтъ, она была прелестное смѣшеніе ребенка, дѣвушки и матери. Съ мужемъ она была кротка и покорна, съ Джіованно застѣпчива, и только съ своимъ ребенкомъ она казалось тѣмъ, чѣмъ была, и потому нельзя было видѣть это прелестное созданіе съ ребенкомъ на рукахъ, не отдавъ ей всего сердца. Такъ думалъ и Джіованно, когда онъ иногда съ восторгомъ и скорбью въ душѣ, смотрѣлъ на нее украдкой; тогда темные глаза Джудитты часто встрѣчались съ его взоромъ, лицо ея вспыхивало яркимъ румянцемъ, а Джіованно, блѣднѣя, наклонялся ниже къ мальбрету и долго, долго не рѣшался взглянуть въ ту сторону. Взоры Джуліо конечно тоже часто обращались въ сосѣдную комнату, но, какъ ясно могъ замѣтить Джіованно, только для ребенка, составляющаго его гордость и счастье. Когда онъ качалъ его на рукахъ, лицо его получало прежнее веселое выраженіе, а когда онъ отдавалъ его матери, трудно было рѣшить, чьи глаза сіяли большею

гордостью, отца или матери. Ребенокъ былъ единственный чистый источникъ радости для всѣхъ членовъ семейства, и каждый изъ нихъ, смотря въ чистое зеркало большихъ голубыхъ глазъ невинно улыбавагося малютки, забывалъ на время все, что его томило.

Такъ тянулось медленно время, и у всѣхъ троихъ постепенно все болѣе обнаруживалось, что сердца ихъ удручены горестію. Всего болѣе печалило Джіованно то, что онъ не находилъ въ своемъ искусствѣ ни утѣшенія, ни защиты отъ чувства, которое съ каждымъ днемъ овлаживало все болѣе всѣмъ существомъ его. Онъ казался самъ себя плохимъ работникомъ; никогда такъ мало не работалъ онъ и никогда работа не казалась ему столь трудною, какъ теперь. Часто съ чувствомъ смертельнаго утомленія сидѣлъ онъ передъ мальбретомъ, рисуя какое нибудь равнодушное человѣческое лицо и прислушиваясь между тѣмъ къ нѣжному голосу Джудитты. Душа его наполнялась безконечною грустью о самомъ себѣ, невыразимыми страданіями за молодую женщину, глубокою горестію за брата, къ сокровищу котораго онъ простиралъ руки, и онъ жаждалъ избавленія. День и ночь мучили его мысли и желанія, противорѣчація одни другимъ. То онъ былъ готовъ заключить милую въ свои объятія и бѣжать съ нею на край свѣта, то самъ желалъ бы скрыться въ самый темный уголь земнаго шара, чтобы не видѣть ея болѣе; то горѣлъ желаніемъ идти въ Римъ въ надеждѣ сдѣлаться тамъ хорошимъ художникомъ, а между тѣмъ оставался и не трогался съ мѣста; но щеки его блѣднѣли все болѣе и походка сдѣлалась вялою. А что думала молодая женщина? Могло ли ея сердце устоять противъ очевидной любви самаго прекраснаго молодого человѣка, когда она отдалась мужу только по приказанію матери и безъ любви изъ дѣвочки сдѣлалась женщиною и матерью? Она поняла это только тогда, когда увидѣла передъ собою Джіованно, и съ того вечера полюбила его и жила только имъ однимъ.

Но она все еще оставалась ребенкомъ, пламя страсти не охватило еще всего существа ея и потому душа ея довольствовалась жизнью подлѣ милаго сердца. Она видѣла его каждый день съ утра до вечера, взоръ ея встрѣчался съ его взоромъ, она могла ему улыбаться, слышать звукъ его голоса, онъ былъ постоянно съ нею и она молила только Пресвятую Дѣву, чтобы жизнь ея до послѣдней минуты всегда текла такъ, какъ теперь.

Случилось однажды, что братья, когда Джудитта укладывала ребенка, остались одни въ мастерской. Джуліо отворилъ окно. Вечерняя заря розовымъ покровомъ одѣла долину и рѣку. По дорогѣ тянулись телеги съ хлѣбомъ, запряженные волами, мушны крѣпкаго сложенія шли рядомъ съ животными, изукрашенными лен-

тами, неся въ рукѣ длинныя палки, на концахъ которыхъ были повѣшены вѣнки. Дѣвушки съ гордою осанкою, съ цвѣтами въ черныхъ косахъ и на груди, съ снопомъ подъ мышками, шли, опираясь на мушкетъ и мѣняясь съ ними пламенными взорами и словами. Тутъ и тамъ въ толпѣ раздавались пѣсни любви, полныя веселья и страсти. Вдругъ между этой жизнию и любовью, желаніемъ и исполненіемъ раздался звукъ небольшого колокола, по дорогѣ прошли благочестивые монахи съ дарами, они облегчили умирающему путь въ вѣчную жизнь и возвращались теперь въ свой монастырь, стѣны котораго, освѣщенные платанами, освѣщались вдали вечернимъ солнцемъ. Всѣ вдругъ умолкли и преклонили колѣна. Какъ дуновеніемъ мира повѣяло надъ этими пылающими сердцами, надъ всѣми земными страстями; и чувство глубокаго и сладкаго покоя проникло душу всѣхъ, и братья у окна, молча подали другъ другу руку. Въ ту же минуту кольцо, которое Джуліо когда-то шутилъ надѣлъ на палецъ Джіованно, спало съ руки его и звеня, покатилося къ ногамъ старшаго брата. Джіованно вдругъ упалъ на грудь брата и, обвивъ его руками, вскричалъ: святыя угодники послали мнѣ это знаменіе, я нашелъ теперь путь, по которому долженъ идти, намъ всѣмъ будетъ хорошо: мы всѣ найдемъ утраченный покой! Посмотри на твое кольцо, которое я носилъ до этой минуты, оно лежитъ у ногъ твоихъ! И теперь, въ этотъ священный часъ, ты долженъ все узнать и простить меня, на прощаніе, потому что я разстанусь съ вами навсегда! И, склонивъ голову на грудь брата, какъ въ тѣ времена, когда онъ повѣрялъ ему всѣ тайны сердца, онъ началъ рассказывать ему покойнымъ и тихимъ голосомъ странную повѣсть своей любви; онъ не скрылъ отъ него ни одной мысли отъ перваго появленія его видѣнія до настоящей минуты. Джуліо не прерывалъ его ни словомъ, ни даже подавленнымъ вздохомъ. Наконецъ Джіованно заключилъ свой рассказъ словами: исповѣдь моя кончена. Простите меня, если можете и прощайте навсегда. Я иду вслѣдъ за тѣми благочестивыми отцами, которые живутъ за этими мрачными стѣнами; я хочу вступить въ орденъ Доминиканцевъ и поступить въ какой нибудь монастырь. Тамъ конецъ всѣмъ борбамъ.—Тогда Джуліо тихо приподнялъ съ груди своей голову любимаго брата, и смотрѣлъ до тѣхъ поръ на милыя черты его, пока глаза его наполнились слезами; потомъ онъ началъ горячо цѣловать его, говоря: «пѣтъ, сокровище мое, милый братъ мой, я не допущу тебя идти въ монастырь! Твоя дорога ведетъ въ Римъ, а не въ душную келью; эти прекрасныя члены не должно покрывать монашеское одѣяніе. Живи, наслаждайся, учись, дитя мое, и забудь Джудитту, не потому, что она жена моя, но потому, что она мать моего милаго

ребенка. Если бы у меня не было его, я давно оставилъ бы все и ушелъ бы на край свѣта; пропалъ бы безъ вѣсти и завѣщалъ бы тебѣ жену мою, которую ты любишь и кольцо которой ты носилъ до этой минуты. Тебя Джуліо я любилъ всего болѣе въ мірѣ, до рожденія моего ребенка; по его я не могу отдать никому, и мать не должна оставлять его. Если Богу угодно будетъ отнять его у меня, тогда пусть Джудитта слѣдуетъ за тобою,—она не по любви сдѣлалась моею женою, и я тогда не стану ее удерживать. Я давно зналъ о вашей любви; взгляни на этотъ листокъ это ея прекрасная головка съ чертами ея юнаго лица, я нашелъ его на другой день моего возвращенія! Твоя рука начертала ихъ! Теперь, Джіованно, иди въ Римъ и не мѣшай болѣе ни одного дня, милое дитя мое!»

На слѣдующій день, едва начала занимать заря, Джіованно, связавъ свою котомку и въ грустномъ разставаніи, обвивъ шею брата, плакалъ на груди его. Быстро возникшее желаніе идти въ монастырь, исчезло въ серьезныхъ разговорахъ прошедшей ночи, которую братья провели вмѣстѣ, и Римъ стоялъ теперь блестящимъ солнцемъ на горизонтѣ его желаній и мысли. Онъ своими лучами долженъ былъ прогнать, разсѣять его страданія. Джіованно хотѣлъ собрать свои силы, трудиться, учиться и творить! Но ему стоило большой борбѣ, не простаясь уйдти изъ дома, какъ тать въ ночи. Онъ не хотѣлъ и не долженъ былъ видѣть еще разъ Джудитту; она должна была узнать отъ мужа объ его уходѣ. Джіованно передалъ брату свое послѣднее «прости» возлюбленной, и Джуліо видѣлъ одинъ послѣднюю борбѣ молодого сердца, послѣднія слезы, когда братъ перешагнулъ черезъ порогъ, гдѣ оставлялъ все, что любилъ и чѣмъ жилъ до сихъ поръ.

— Черезъ три мѣсяца я послѣдую за тобою въ Римъ и принесу тебѣ вѣсточку о ней и о насъ всѣхъ, сказалъ Джуліо, освобождаясь наконецъ изъ горячихъ объятій брата.

Черезъ нѣсколько дней пути, Джіованно ужасно ослабъ и заболѣлъ, и сердобольные монахи доминиканскаго ордена, нашли его близъ дороги съ блѣдными щеками и ранами на ногахъ, подняли его и унесли въ свой монастырь. Тамъ пролежалъ онъ долго безъ памяти или мучимый страшными грезами. Благочестивые братья полюбили его за терпѣливый, кроткій нравъ, удивлялись его прекрасному ангельскому лицу и наперерывъ старались ухаживать за нимъ. Но, не взирая на ихъ старанія и уходъ, Джіованно дѣлался день ото дня слабѣе, и часто, когда монахи стояли около его постели и смотрѣли на него съ состраданіемъ, имъ казалось, что они видятъ улыбку умирающаго на блѣдныхъ губахъ его. Однажды, послѣ дурно проведенной ночи, всѣ монахи, послѣ ранней обѣдни собрались въ

комнату больного, съ сокрушеніемъ думая, что настала его послѣдній часъ. Они тихо шептали отходную у постели отлетавшей молодой души, между тѣмъ, какъ лучи восходящаго солнца, проникая сквозь щели занавѣси, играли, подобно сіянію, вокругъ головы больного. Все было торжественно въ маленькой кельѣ Джіованно Тозини. Вдругъ большой открылъ большіе глаза, и съ улыбкою благодарности посмотрѣвъ вокругъ себя, спросилъ свои принадлежности живописи. Голосъ его былъ еще слабъ, но взоръ чистъ и спокоенъ. Монахи, полагая, что это требованіе было послѣднее желаніе умирающаго, принесли ему маленькую деревянную дощечку и краски, и большой сѣлъ на постелѣ и, приготовивъ все пужное, началъ писать. Всѣ монахи обступили его, иные стали на колѣна и ожидали чуда. Слабая рука наложилла первыя краски, и глаза всѣхъ присутствующихъ слѣдили за его кистью. Дощечка дѣлалась все свѣтлѣе и свѣтлѣе, показался край неба и тотъ золотистый свѣтъ, въ которомъ живутъ блаженные и изъ этой небесной лазури и золота постепенно стали выступать парящій къ небу ангель.— Къ вечеру картина была окончена, и благочестивые братья пали передъ нею на колѣна; имъ казалось, что на нихъ смотрѣлъ настоящій ангель, съ глубокимъ, блаженнымъ взоромъ; онъ летѣлъ такъ легко и явственно, что настоятель, которому принесли показать эту картину, велѣлъ затворить окна, дабы вѣстникъ неба не улетѣлъ въ свою небесную отчизну. Черты ангела были очевидно черты самого Джіованно Тозини, и внизу написалъ онъ слова: «кто много любилъ, тому простится многое! Я обрѣлъ покой!» Окончивъ работу, больной положилъ кисть, легъ и, проспавъ сладко всю ночь, проснулся поутру выздоравливающимъ. Онъ попросилъ пищи и питья, и голосъ его былъ ясенъ и спокоенъ. Съ каждымъ часомъ силы его, къ общему удивленію и радости добрыхъ монаховъ, стали прибавляться и въ короткое время онъ могъ уже подъ руку съ однимъ изъ нихъ прогуливаться въ тѣнистомъ саду монастыря, а наконецъ онъ былъ такъ же здоровъ, какъ прежде, хотя легкая блѣдность навсегда осталась на его щекахъ. У него была долгая бесѣда съ игуменомъ монастыря, и чрезъ нѣсколько дней Джіованно Тозини, на двадцатомъ году отъ роду, вступилъ въ доминиканскій орденъ и сдѣлался монахомъ въ томъ самомъ монастырѣ, въ который приняли его радушно, когда онъ, измученный тѣломъ и духомъ, лежалъ на дорогѣ. Его назвали тѣмъ же именемъ, которое нѣкогда дали ему флорентинскія женщины, и день посвященія молодаго Фра-Анжелико былъ праздникомъ для всѣхъ монаховъ, душевно полюбившихъ своего прекраснаго найденыша. Въ этотъ же день отправленъ былъ изъ монастыря во Флоренцію посолъ съ тѣмъ ангеломъ, который Джіо-

ванно написалъ на одрѣ болѣзни. Тѣ, къ кому онъ былъ посланъ приняли его, какъ послѣднее земное прощаніе любимаго имъ челоѣка, и молча подали другъ другу руку. Джуліо, съ восторгомъ любясь блескомъ картины, вскричалъ: «теперь я понимаю, почему должно было все случиться такъ, какъ было—ангелы звали его къ себѣ; имъ нуженъ былъ художникъ, который могъ бы передать землѣ ихъ красоту и славу. Теперь взойдетъ звѣзда Джіованно: благо мнѣ, что я могу лицезрѣть ея сіяніе!» Джудитта же заперлась въ своей комнатѣ, стала на колѣни передъ постелькой своего ребенка и горько плакала. Ея звѣзда въ этой жизни навсегда закатилась. . . .

Съ того времени, какъ Джіованно написалъ перваго ангела, котораго онъ послалъ брату и милой въ знакъ того, что душа его побѣдила земную любовь и избрала себѣ лучшую долю, Фра-Анжелико узналъ, для какой цѣли Св. Лука вручилъ ему кисть и открылъ глаза для выбора красокъ. Теперь онъ писалъ только святыхъ изображенія, украшенія для церковныхъ книгъ и въ особенности ангеловъ, и ни одинъ изъ нихъ, даже написанные славнымъ Рафаэлемъ, не парятъ легче, безтѣлеснѣе и прозрачнѣе ангеловъ Фра-Анжелико да Фіозоле.

Игумень былъ правъ: каждый, кто видѣлъ ангела Анжелико, съ мольбой складывалъ руки, чтобы онъ не исчезъ изъ глазъ его. Чѣмъ болѣе писалъ Джіованно, тѣмъ легче и радостнѣе дѣлалось у него на сердцѣ, и тѣмъ свѣтлѣе становились его картины. Какъ будто цѣпи спали съ него, безпокойство и страхъ исчезли и тихое сіяніе мира свѣтилось изъ глазъ его. Строгий въ исполненіи уставовъ своего ордена, кроткій и безконечно сострадательный къ бѣднымъ и больнымъ, онъ велъ жизнь святаго, и вскорѣ весь народъ околodka и даже монастырская братія назвали его *il beato* (блаженный). Слава о его прекрасныхъ картинахъ проникла, какъ лучъ, во всѣ страны и вслѣдъ за нимъ летѣла и слава о его милосердіи и благочестіи. Когда онъ кончилъ превосходныя фрески въ своемъ монастырѣ, Козьма Медичи просилъ его украсить монастырь Санъ Марко и церковь Аниунціаты произведеніемъ его кисти. Въ монастырѣ Санъ Марко украсилъ онъ каждую келью чуднымъ фрескомъ, а самую церковь картиною Благовѣщенія, возбудившую удивленіе и благоговѣніе всѣхъ ее видѣвшихъ. Когда онъ кончилъ и эти превосходныя работы, Папа Николай V вызвалъ его въ Римъ, и поручилъ ему украсить своею блестящею и дѣвственною кистью часовню Св. Лаврентія въ Ватиканѣ. Фра-Анжелико отправился въ Римъ. Здѣсь еще разъ искушеніе коснулось его молодаго сердца и страстное стремленіе къ міру, любви и наслажденіямъ раздалось послѣднимъ воплемъ въ душѣ его.

Однажды, при выходѣ изъ Ватикана, тихо спускаясь съ лѣстницы папскаго дворца, увидѣлъ онъ у послѣдней ступени на колѣняхъ закутанную женщину, которая, какъ будто умоляя, простирала къ нему руки. Онъ остановился съ невѣдомымъ трепетомъ и обыкновенныя слова благословенія замерли на губахъ его. Тутъ женщина подняла голову, вуаль, скрывавшій лицо ея упалъ назадъ, и милыя черты Джудитты предстали глазамъ испуганнаго Джіованно. Онъ вздрогнулъ, краска радости выступила на лицѣ его, лучъ пламенной любви блеснулъ въ глазахъ и трепетныя уста тихо произнесли: «Джудитта!» — Она смотрѣла на него съ ясной улыбкою, какъ будто хотѣла сказать:—я теперь съ тобою, я вполне счастлива!—Онъ спросилъ со страхомъ: «гдѣ же Джуліо, гдѣ сынъ вашъ?» «У ангеловъ! — отвѣчала она едва слышно,—и потому я пришла къ вамъ! Братъ вашъ не могъ перенести, что святые отняли у него ребенка и послѣдовалъ за нимъ на небо. Я долго плакала и молилась на ихъ могилахъ, но не предавалась отчаянію, потому что знала, что могу идти теперь къ вамъ, что найду васъ, если бы вы скрывались и на краю свѣта!—Теперь скажите мнѣ, что будете со мною?»

Онъ отвернулся отъ нея съ мертвою блѣдностію и сказалъ чрезъ нѣсколько минутъ: «Просите, чтобы васъ приняли въ какой нибудь монастырь сестеръ милосердія, и такъ, какъ вспоминаете вы о своихъ покойникахъ, такъ вспоминайте и обо мнѣ. Прощайте, у отшедшихъ въ тотъ міръ мы встрѣтимся блаженными, помните о томъ, Джудитта!»

Съ этими словами онъ оставилъ ее. Подавленный крикъ страданія раздался въ душѣ его; онъ не остановился и не поддался этому отчаянному воплю. И между тѣмъ какъ въ этотъ же день изумленная толпа зрителей въ часовнѣ Св. Лаврентія не могла удивиться почти оконченнымъ чудеснымъ картинамъ изъ жизни святыхъ и прославляла творца этихъ превосходныхъ произведеній, — онъ, подобно второму Св. Лаврентію, лежалъ на пылающемъ кострѣ невыразимыхъ страданій и молитвами и слезами старался успокоить въ сердцѣ проснувшуюся страсть. Святые пришли къ нему на помощь: Фра-Анжелико побѣдилъ свое сердце. Джудитта пропала безъ вѣсти, и онъ не сталъ освѣдомляться о ней. Когда украшеніе часовни было окончено, Папа былъ въ такомъ восторгѣ отъ произведенія художника и отъ его собственной особы, что предложилъ ему въ награду санъ Епископа во Флоренціи. Но Фра-Анжелико со смиреніемъ отклонилъ отъ себя эту милость и пѣшкомъ отправился въ свой монастырь. Онъ такъ строго наблюдалъ правила своего ордена, что безъ особеннаго позволенія главы его не предпринималъ никакихъ постороннихъ работъ ни для монастырей, ни для

частныхъ лицъ, и назначать цѣну за работу представлялъ ихъ же усмотрѣнію. Самую превосходную и большую картину «Увѣнчаніе Царицы Небесной среди Ангеловъ и Святыхъ» и «чудеса святаго Доминика», произвелъ онъ въ мирѣ и тишинѣ своего милого монастыря. Ликъ Маріи, съ ея сладостнымъ и грустнымъ выраженіемъ, былъ памятью той женщины, которую онъ одну любилъ на землѣ. Его послѣдняя работа въ монастырской тиши, до втораго и послѣдняго его путешествія въ Римъ, состояла въ окончаніи боковой группы для его большой картины «Вознесеніе Христово». Эту группу назвалъ онъ: «свиданіе блаженныхъ». Съ сіяющей улыбкой работалъ онъ надъ нею.... На пей онъ еще разъ вызвалъ милый образъ Джудитты, она воскресла въ самыхъ пламенныхъ краскахъ. Джуліо и сынъ его были также изображены тутъ, а съ боку на колѣняхъ самъ Фра-Анжелико въ монашескомъ одѣяніи въ легкихъ невинныхъ объятіяхъ съ прекрасною женскою фигурою съ крыльями. Вокругъ нихъ сіяющіе образы, блаженныя объятія, небесная радость и свиданіе любившихся мужа съ женою, родителей съ дѣтьми, брата съ сестрою. Все цѣлое было гимнъ въ краскахъ на безсмертіе души и свиданіе за гробомъ.

Окончивъ это прекрасное произведеніе, отправился онъ, напутствуемый слезами монаховъ, опять въ Римъ, чтобы расписать съ Ватиканъ часовню Св. Тринитва. Тамъ, окончивъ свою работу, уснулъ онъ навѣки, безъ всякой предварительной болѣзни. Его нашли въ часовнѣ съ кистью и палитрой въ рукѣ, и лицо его выражало высшую радость и блаженство. Потомъ, когда его, въ присутствіи плачущей толпы народа, положили на носилки, черты этого 67 лѣтняго старца—вдругъ приняли видъ прекраснаго юноши. Народъ не могъ удивиться этому чуду и стекался дѣнь и ночь, чтобы видѣть Фра-Анжелико, а прикосновеніе къ его одеждѣ чудеснымъ образомъ исцѣляло всѣхъ тѣхъ, которые таили въ душѣ своей глубокую несчастную любовь, Папа причислилъ его къ лику святыхъ подъ именемъ «Il beato» и тѣло его съ большимъ торжествомъ было погребено въ бывшемъ храмѣ Минервы въ Римѣ. Въ этотъ самый часъ во Флоренціи, въ монастырѣ сестеръ милосердія, хоронили блѣдную монахиню, которую знали тамъ подъ именемъ «сестры Джіованны», и эта успешная съ благочестивымъ художникомъ праздновала на небесахъ «свиданіе блаженныхъ» вѣрно еще радостнѣе и торжественнѣе, чѣмъ изобразилъ его въ своей картинѣ самъ Фра-Анжелико.

(Европа.)

(Рис. С. А. Любовникова).

— У васъ открылось мѣсто, и я пришелъ просить его для себя.
 — А прежде вы гдѣ служили?
 — Въ Совѣстномъ судѣ.
 — Но у меня вѣдь не *совѣстный судъ*, и вамъ, можетъ быть, трудно будетъ привыкать къ *нашему* порядку; вы меня понимаете?
 — Совершенно понимаю и надѣюсь заслужить ваше расположение.

(Рис. К. И. Рабуса).

Современный женихъ.

Шаферъ. Позвольте васъ спросить, милостивый государь, съ которой вы стороны?
 Гость. Съ Выборгской.
 Шаферъ. Что же вамъ угодно?
 Гость. Еще стаканчикъ пуншу.

(Рис. И. О. Шестакова).

Толстый господинъ. Можете себя представить, нынче останавливаетъ меня на бульварѣ дѣвчонка и просить милостыни на погребеньѣ какой-то тамъ старухи, утопущей въ подвалѣ. И вѣдь такъ натурально каналья притворяется, даже плачетъ!

Господинъ съ лорнетомъ. Какъ же вы поступили?

Толстый господинъ. Я сказалъ ей, что она вретъ, что въ подвалахъ не топятъ, потому что для стока воды устроены трубы, и разумѣется—прогналъ ее.

ГОРОДСКАЯ ХРОНИКА

«Развлечения».

Господинъ, переставшій красить свои бакенбарды, и дамы, не перестающія носить кринолинъ. — Философія моды. — Бенефисъ г. Брауна. — Константинополь, отражаемый не-Босфоромъ. — Русскіе пѣвцы и о русской пѣснѣ. — Завитые мужички и *jeunes premiers* — официанты. — Старая исторія изъ исторіи *Эльдорадо*, или объ одномъ верблюдѣ и одной кобылѣ. — Два слова о Юліи Петровнѣ. — Баллада изъ *Эльдорадо*. — Юлія Пастрана. — Воспоминаніе объ Олеговомъ походѣ подѣ предложомъ цѣпи, длиною въ 132 версты. — Новая мостовая. — *Стихотворенія* Я. П. Полонскаго.

Знаю я одного господина. Покуда онъ находился на службѣ, онъ не только носилъ парикъ и вставные зубы, бѣлился и румянился, но даже и бакенбарды красилъ, — основательно предполагая, что представительность начальствующаго лица внушаетъ уваженіе, охрапляетъ дисциплину и подвигаетъ впередъ общественное благоустройство. Но вышелъ мой господинъ въ отставку (колесо фортуны, что ли, повернулось?), и уже не красить онъ бакенбардовъ. По моему мнѣнію, нельзя не ощущать уваженія къ такому благородному: ну для чего ему теперь красить бакенбарды? для чего представительность шестидесятилѣтнему мужу въ роли частнаго человѣка?

Я бы совѣтовалъ многимъ брать примѣръ съ моего господина.

Не худо, на примѣръ, еслибы у него научились тѣ прелестныя дамы, которыя, отживъ лѣта молодости и красоты, упорствуютъ въ претязаніяхъ на ту и другую, одѣваются какъ молодыя, рядятся въ пухъ и прахъ, носятъ и пастушескія шляпки *à la Louis XIII*, и кринолины. Лучшая представительность для женщинъ нѣкоторыхъ лѣтъ — скромность паряда и простота. А то что же тутъ хорошаго: костюмъ бросился вамъ въ глаза, вы смотрите, по-неволь пристально, — и передъ вами руина, иногда еще подкрашенная и подмазанная. Вѣрьте, милостивыя государыни, что въ смыслѣ *du pittoresque* несравненно пріятнѣе всякому видѣть руину натуральную.

Что касается до меня, признаюсь, смѣлость моя доходитъ до предположенія, что и молодымъ женщинамъ и дѣвицамъ не вредно было бы измѣнить кринолинамъ и пастушескимъ шляпкамъ. Кринолина не носитъ уже и императрица Французовъ, — а это, я надѣюсь, авторитетъ. Но, кромѣ того, неужели зеркала и трюмо не докладываютъ моимъ милымъ соотечественницамъ, до чего безобразны кринолины и пастушескія шляпки съ завѣсомъ, — первый въ особенности? Я беру огромный пустой арбузъ или глобусъ, разрѣзываю его пополамъ въ діаметръ, или экваторъ, слегка срѣзываю у вершины или полюса, въ это отверстіе вкладываю до талии особу женскаго пола, и голову ея накрываю кружечкомъ, срѣзаннымъ сверху глобуса: вотъ вамъ женская особа, въ криолинѣ и модной шляпкѣ. Не правда ли, какъ безподобно? То ли дѣло, когда дамы ходили дра-

пированныя въ свои платья, какъ древнія статуи, блестя даже отсутствіемъ десяти накрахмаленныхъ юбокъ. . . . Тогда въ костюмѣ виднѣнъ былъ вкусъ.

— Но мода, милостивый государь, мода, — отвѣчаютъ мнѣ со всѣхъ сторонъ.

Я не отвѣчаю, хотя и самъ чувствую, что это очень дерзко. Одно я скажу, но никакъ не тѣмъ единичемъ прекрасной половины нашего рода, которымъ не угодно сдать-ся на мои доводы: — что еслибы какой-нибудь новый графъ Дорсэ или какая-нибудь герцогиня, я не знаю какъ выѣхали когда нибудь въ Булонскую рощу: первый въ пальто наизнанку, вторая съ перьями въ носу и метлой въ рукѣ, — неужели бы и намъ всѣмъ слѣдовало вывернуть верхнее платье, и сестрамъ нашимъ, жонамъ и матерямъ напихать въ носъ перья и вооружиться метлами?

Иные, прежде нежели отвѣчать на это, конечно призадумаются. . . . Чтожь, вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ метлу можно сдѣлать хорошенькую: ручку точеную изъ слоновой кости, а помело изъ какихъ нибудь крашенныхъ стружекъ, искусно сдѣланныхъ, или изъ винтообразной италіанской соломы! *C'est très bien porté!*

Но вотъ, вижу я, ополчаются на меня модные портные, модистки и всѣ магазины, давно завоевавшіе Кузнецкій мостъ. Почтенные читатели «Развлеченія», спасите меня отъ вражескаго легіона, — или я бѣгу отъ моей трибуны. . . .

Но я надѣюсь на васъ.

— Намедни г. Браунъ, въ свой бенефисъ, показалъ въ *Эрмитажѣ* такія чудеса, что достойно передать ихъ умѣла бы развѣ Шехеразада. Ночь была свѣтлѣе дня. Константинополь, освѣщенный, какъ вѣроятно, ни разу до того вечера, смотрѣлся въ Босфоръ. . . . виноватъ — въ прудъ, подобно тому, какъ передъ баломъ смотрится красавица въ зеркало, окруженное сотнею свѣчъ. Истинно, я былъ бы совершенно очарованъ, почелъ бы себя на мѣстѣ лорда Байрона и отложилъ бы навсегда мое намѣреніе, въ числѣ живописныхъ городовъ, видѣть паяву Стамбулъ — этотъ стражъ Дарданелловъ, если бы надъ моими ушами не трещалъ фейерверкъ, котораго шумъ рѣшительно уничтожаетъ всякое очарованіе. Какое можетъ быть очарованіе, когда невольно вздрагиваешь ежеминутно. . . . Господа, давайте фейерверки, но нельзя ли снабжать зрителей какими-нибудь трескоотводами: — вотъ бы славное изобрѣтеніе! Нельзя ли изобрѣсти фейерверки духовые, фейерверки — Монте-Кристо?

Пѣли въ *Эрмитажѣ* «русскіе пѣвцы и пѣвицы». Эти русскіе пѣвцы и пѣвицы, конечно не италіанскіе пѣвцы, не нѣмецкіе, а здѣшніе театральные артисты. Поютъ они не дурно, одѣты чисто, стоятъ чинно, произносятъ русскія слова, — но отчего же я не слыхалъ русской пѣсни?

Чудная вещь русская пѣсня, да и чудна же она! Не далась она на бумагѣ, ни Мерзлякову, ни Нелединскому, ни Дельвигу, ни многимъ другимъ, о которыхъ и помнить никто не обязанъ, — не далась она въ вокальномъ исполненіи, ни Варламову, ни Бантышеву, ни Булахову, ниже опять таки многимъ другимъ: и у тѣхъ, и у этихъ она выходила романсомъ, выходила не въ своей золотой непо-

средственности, а причесанная и завитая, какъ мужички и барашки на картинахъ Ватто и Бушэ, какъ мужички у насъ на театрѣ, какъ бывало Бантышевъ въ «Барской спѣси.» Отчего это, скажите? Я слыхалъ настоящую русскую пѣсню только изъ устъ мужика, да раза два-три въ жизни отъ лицъ высшаго сословія, особенно образованныхъ и съ тонко развитымъ тактомъ изящнаго. А въ литературѣ? Кольцовъ.... Кольцовъ, да и обчелся, кажется.... Но о послѣднемъ заключеніи прошу не судить строго. Въ литературѣ, поискать, найдутся, конечно, русскія пѣсни,—только намъ теперь нѣтъ времени.

Отчего и русскій мужикъ и крестьянка тоже всегда являются у насъ на сценѣ подобные барашкамъ на старинныхъ ширмахъ и въерахъ? диковинное дѣло! Видалъ я на русской сценѣ Отелло, и Прокопія Ляпунова, и Людовика XI, и Кина, а не видалъ русскаго мужика, да, ужъ къ слову пришлось, не видалъ русскаго джентльмена, настоящаго барина, настоящаго *jeune premier*. Отчего въ роли русскаго *jeune premier* передъ вами непременно является одинъ изъ тѣхъ офицантовъ, которые на большихъ балахъ разносятъ всякую всячину? Не знаю какъ для другихъ, а для меня эти вопросы очень интересны. . . .

. . . . Объ *Эльдорадо* достаточно сказать, что тамъ заведено новое обыкновение: вмѣстѣ съ билетомъ на входъ, вы получаете право на выигрышъ въ безпроигрошной лотерей, и выигрываете, напримѣръ, коробочку моппансье, или нитяныя перчатки, или тросточку того калибра, какъ у носящихъ. Выигрышъ не превышаетъ цѣнностію 25 коп. сер. Кажется, выдумка не то чтобы ужъ очень замысловатая, а публика тѣмъ привлекается много. *Mundus vult decipi, ergo decipiatur.*

Но вотъ кстати исторійка, связанная съ *Эльдорадо*, и ежели не совсѣмъ новая, такъ пикѣмъ во всеуслышаніе не рассказанная: почему же я вамъ ея не повѣдаю?

Это было тому съ мѣсяць. Вечеръ случился чудесный. Передъ тѣмъ шелъ одинъ изъ рѣдкихъ пыншнимъ лѣтомъ дождей. Я сидѣлъ чуть чуть не мечтая, почти прислушиваясь къ музыкѣ г. Рейнбольда, которому соблаговолилось разыграть Веберову *Aufforderung zum Tanze*. Матовые шарики очень недурно вырѣзывались на потемнѣвшемъ уже пологѣ воздуха. Было свежо, не слишкомъ лодно, не шумно и какъ-то очень хорошо, будто не на планетѣ, гдѣ есть кринолины, коньякъ, цыгане, скверныя сигары, безобразныя и парумяченныя лица. Я былъ очень доволенъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, — почти счастливъ.

— Вы тутъ сидите и, кажется, считаете звезды,—сказалъ въ это время, подошедшій ко мнѣ, одинъ мой знакомецъ.—А что дѣлается возлѣ васъ хорошенькаго, не видите.

Прервавшій мое сладкое *far niente* указывалъ на группу, расположившуюся неподалеку отъ меня вокругъ двухъ вмѣстѣ составленныхъ столиковъ.

Группа состояла изъ нѣсколькихъ мужчинъ и нѣсколькихъ женщинъ. Мужчины были всѣ болѣе или менѣе молодые, но всѣ изъ той категоріи, которая называетъ себя цвѣтомъ молодежи, а миссією имѣетъ жечь деньги, нерѣдко запираемая безъ головоломной заботы объ отдачѣ. Дамы, въ

числѣ четырехъ, были изъ числа тѣхъ, которыхъ съ нѣкотораго времени съ легкой руки Дюма-сына, при просвѣщенномъ посредствѣ Новаго поэта, называютъ у насъ *камельями*. Наличныхъ дамъ, я охотно назвалъ бы тюльпанами или попугаями—по ихъ нарядамъ, а по лицамъ и фигурамъ—верблюдами, какъ это въ подобныхъ случаяхъ и дѣлаютъ Французы.

— Въ чемъ же дѣло? спросилъ я моего знакомаго.

— Передъ вами четыре Француженки, отвѣчалъ онъ мнѣ:—какъ вы видите, дрянъ страшная. Но Москва ни клиномъ сошлась: это онѣ знаютъ, и знаютъ, что француженка здѣсь не за-урядъ, стало быть запросъ на нее всегда есть. Вотъ онѣ и прикатили изъ Петербурга, гдѣ на нихъ никто ужъ и не смотритъ. Остановились же которая у Шверье, которая у Рамюза или у Лабади. Наняли коляски, расположились въ прекрасныхъ пумерахъ. *Scenarium* готовъ. И посыпали наши ребята. Только вотъ одинъ изъ нихъ, получивъ или не получивъ, — а вѣроятно первое — отъ мадмуазель Люсиль или Амапда, что нужно, за неимѣніемъ ли денегъ или изъ шалости, поднесъ ей.... старую бракованную кобылу, разумется подъ названіемъ скаковой и англійской. Русская бы потерялась, Нѣмка бы сконфузилась, Англичанка бы обидѣлась, Испанка бы отстегнула свой кинжалъ. Француженка сдѣлала сто лотерейныхъ билетовъ по 6 р. сер. каждый, и половину уже раздала. Не хотите ли попытать счастія: можетъ, выиграете кобылу?

Отъ представившагося случая къ искушенію фортуны я уклонился, но упросилъ моего собесѣдника дать мнѣ знать, разыграется ли лотерея. Что же? Лотерея разыгралась черезъ нѣсколько дней; кобылу выиграла другая грація и предположила разыграть ее уже въ 1000 руб. сер., сдѣлавъ сто билетовъ по 10 р. О дальнѣйшей судьбѣ кобылы не знаю. О граціяхъ же, которыхъ видѣлъ я въ тотъ достопамятный вечеръ въ *Эльдорадо* говорили мнѣ, что онѣ помѣрились къ Макарію, и, согласно полученной изъ Нижняго депеши, поспѣли къ моменту поднятія флага.

Я сказалъ бы охотно что-нибудь о русскихъ *камельяхъ*, но онѣ слишкомъ блѣднѣютъ передъ экзотическими цвѣтками. Зналъ я, напримѣръ, одну Юлію Петровну, . . . т. е. можетъ быть въ паспортъ она значилась и не такъ, а какой-нибудь Феклой, Акулиной или Авдотьей.... или нѣтъ, ужъ лучше когда нибудь рассказать вамъ ея исторію обстоятельно. А преинтересная исторія.... Впрочемъ, очень легко можетъ быть, что вы видѣли Юлію Петровну:—высокій ростъ, удивительные черные глаза, будто двѣ испанскія вишни, остатки несомнѣнной красоты, только по несчастію подрубиваемой и подблываемой, по эпидемической въ особенности у женщинъ системѣ обращенія съ руинами. Но видѣть эту женщину и знать ее, ой-ой, не одно и то же. Что то вы скажете, когда передъ вами будетъ ея исторія—полная, прагматическая?

Но фейрверкъ въ *Эльдорадо* давно угасъ, музыка умолкла; садъ опустѣлъ. Не видать уже и размалеваннаго господина, всегдашняго посѣтителя всѣхъ гуляній: онъ ушелъ, довольный своимъ выигрышемъ—дамскимъ воротничкомъ, который, тайкомъ отъ жены своей, подарить, кому нужно.

Остались только немногіе искатели и искательницы приключеній, принадлежащіе къ породѣ ночныхъ мотыльковъ; а чѣмъ оканчиваются ихъ похождения, читатель увидитъ изъ слѣдующей баллады:

Уединенною тропою
Пошла она, пошелъ и онъ;
Онъ слышалъ вздохъ ея порою,
Опа—его дослѣховъ звонъ.

Идетъ онъ мимо; посылаетъ
Ему вослѣдъ она свой вздохъ...
И онъ къ ней руку простираетъ:
«Позвольте.... ахъ!» «Извольте... охъ!»

Магнитной силой сочетались
Ихъ души, какъ съ волной волна;
Потомъ вдвоемъ они скитались—
Она и онъ, онъ и она.

Но я не сказалъ ни слова о Юліи Пастранъ, опять прѣхавшей въ Москву,—и читатель, вѣроятно, изумится тому, что я скажу.

Ни въ прошломъ году, ни въ нынѣшнемъ я не видалъ этого бѣднаго уродца, и видѣть не намѣренъ? Какое удовольствіе смотреть на это чудо человѣческаго безобразія единственно какъ на любопытное зрѣлище, истинно не понимаю. Столько некрасиваго, столько уродливаго встрѣчается въ жизни, что платить деньги за ощущеніе, которое я считаю неприятнымъ, едва ли не безуміе. Набили вы себѣ оскомипу красотой, наскучили вамъ кипсеки, статуи, картины съ красивыми женщинами, или вы только что вернулись изъ Кадикса, Кордовы, Севильи, оглянитесь у васъ вокругъ себя, или выйдите на улицу: насмотритесь даромъ на уродовъ, развѣ только безъ бороды и усовъ.

Съ болѣе серьезной точки зрѣнія, я считаю эту торговлю челоѣчествомъ, въ томъ видѣ, какъ производить ее вожакъ Пастраны ею, просто дѣломъ безнравственнымъ. Еще въ прошломъ году Пастрана была вынуждена проѣхать баварскія владѣнія только въ качествѣ челоѣка: разыгрывать роль курьознаго звѣря—ее не допустили. Тоже, если не ошибаюсь, случилось и въ Берлинѣ. Я снимаю шляпу предъ Баваріей и Берлиномъ....

Хотите ли анекдотецъ съ биржи, который мнѣ выдаютъ за истину?

Не такъ давно является на биржу пѣкій господинъ и ищетъ желающаго припятъ на себя поставку желѣзной цѣпи, длиною въ 132 версты. Одинъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, другой... третій взялся найти охотника исполнить заказъ,—по полюбопытствовалъ, зачѣмъ бы могла быть нужна такая цѣпь. Неизвѣстный объяснилъ, что, желая устранить неудобство, которое затрудняетъ водяное сообщеніе между Окою или Коломною и Москвою по мелководію Москвы-рѣки, онъ придумалъ слѣдующее: протянуть по берегу

Москвы-рѣки цѣпь отъ Коломны до Москвы, за которую па-роходъ, вступивъ въ рѣку, цѣплялся или хватался бы особо-изобрѣтенными крюками, съ помощію коихъ могъ бы двигаться, стало быть, не глядя ни на какое мелководье и пожалуй даже ходя по суху, какъ ладьи Олеговы на колесахъ. Предложившій услуги не отказался отъ своихъ словъ; напротивъ, объявилъ, что можно заказать цѣпь хоть для опоясанія земнаго шара. Тогда изобрѣтатель отвѣчалъ, что такъ какъ дѣло ему къ спѣху, то онъ желаетъ, чтобы тотъ, кто приметъ на себя исполненіе потребной ему цѣпи, обезпечилъ исправность исполненія задаткомъ въ 30 т. р. сер. На это собесѣдникъ поморщился и отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ онъ не беретъ отыскивать исполнителя заказа. Изобрѣтатель новаго способа судоходенія, говорятъ, не возвращался.

Замѣтилъ ли вы новую мостовую, проведенную отъ конца Тверской сквозъ Иверскія ворота на Красную площадь. По наружности она чрезвычайно ровна и красива, и общаетъ покойное движеніе экипажу. Надо желать, чтобы она была прочна и не дорога. Тогда, вѣроятно, все жители Москвы примутся мостить такъ передъ своими домами,—и мы доживемъ до того времени, когда экипажи будутъ больше стоять у насъ въ сараяхъ и употребляться, нежели гостить у каретниковъ, а лошади менѣе портить себѣ ноги.

Послѣдній вопросъ. Купили ли вы *стихотворенія Я. П. Полонскаго*? Если не купили, непременно купите. Немногіе пишутъ такъ, какъ г. Полонскій, немногіе такъ издають книги, какъ графъ Г. А. Кулешевъ-Безбородко. Немного въ настоящую минуту новыхъ книгъ, которыя было бы такъ прилично положить на самый модный столикъ и такъ приятно модному и немодному челоѣчеству открыть во всякое время.

Не Я.

РАЗГОВОРЪ ВЪ КАБИНЕТЪ БОЛЬНАГО.

— А ты все боленъ? что же не обратишься къ доктору П. онъ, говорятъ, лечитъ отъ всѣхъ, даже смертельныхъ болѣзней.

— Да развѣ онъ мнѣ поможетъ? вѣдь я знаю, что моя болѣзнь неизлѣчима.

— За то, онъ тебѣ скажетъ, какъ называется болѣзнь твоя по-латынѣ: ужъ онъ на томъ стоитъ,—онъ такой ученый!

Одному молодому челоѣку предложили жепиться на двоѣ, которой было 40 лѣтъ. — Ахъ, отвѣчалъ онъ, если ужъ непременно нужно, чтобы было 40 лѣтъ, то для меня все таки лучше двѣ дѣвцы по 20 лѣтъ.

Редакторъ *Ө. Миллеръ.*